

Гений, который много трудился

“Леонид Енгибаров. Смех сквозь слезы”

Именно ему, Леониду Енгибарову, “...сам Марсель Марсо чего-то говорил”. Енгибаровские номера и сейчас кажутся невымыслимыми по артистической отточенности, исполненными глубочайшего метафорического смысла и дерзкими до невероятности. Представляете, на манеже – гуттаперчевый человек со специфичным армяно-еврейским лицом, балансирующий на каких-то конструкциях и с прибавлением каждой новой – навешивающий себе цацку – медаль. И это на глазах тысяч людей, ежевечерне наблюдающих, как на мочуей груди генсека прибавляются ордена. Более антисоветского действия и представить себе сложно. Между тем Енгибаров не был ни борцом с режимом, ни диссидентом. Он был просто гением, который очень много работал.

Создатели фильма “Леонид Енгибаров. Смех сквозь слезы” (режиссер Сергей Холодный, продюсер Никита Еванг) пошли по нелегкому пути. Они попытались рассказать историю великого клоуна не через показ окружавшей его эпохи, а через его частную жизнь.

Опасностей было много – увлечься “жареным” и скатиться к желтизне и бестактности. Или напротив –

нарисовать портрет еще одного мученика режима.

И той и другой крайностей удалось избежать – фильм получился не аполететикой, а правдивой и удивительно живой историей гения, совсем непростого и моментами, видимо, чрезвычайно неприятного.

Авторы явно восхищены своим героем – но не скрывают его гордыни и страсти к алкоголю, его беспечно постребительского отношения к женщинам. И перед зрителем вырастает не монумент, а живой, страдающий и, как многие гении, рано умерший человек. Такое кино на нашем холодном и часто бездушном ТВ дорогого стоит.

Жаль, что создатели фильма не коснулись любопытнейшей темы – взаимоотношений между флагманами несоветского искусства и власть предержащими. Не стоит представлять одних светочами чистого творчества, а других – реакционерами и обскурантами. Все было гораздо сложнее – чины из госбезопасности и Отдела пропаганды ЦК, так же, как и диссидентствующие инженеры из НИИ, слушали хриплый магнитофонный голос Высоцкого, прорывались на Таганку и ходили на Енгибарова. Также движение шло и с

противоположной стороны – многие неформальные властители дум советского народа не то чтобы искали покровительства, а скорее – не отказывались от приглашений, когда их звали “петь охоту на волков”. Абсолютных неконформистов было мало, и практически у каждого, чье имя было на слуху, был тайный покровитель, своего рода Исосиф Арифонейский, который, когда система (а она, естественно, никуда не девалась) начинала слишком сильно давить, говорил свое, обычно веское слово. Наверняка подобный покровитель, и не один (а была это, скорее всего, женщина), был и у Леонида Енгибарова. Мы ни в коей мере не хотим преуменьшить волшебную силу его таланта, но маловероятно, чтобы цирковой артист, служащий в провинции, будучи даже суперталантливым человеком, смог получить антрепризу в главном цирке страны. Это хорошо согласуется с рассказанными в фильме историями о том, как Енгибаров стал невыездыным из-за пары джинсов, не привезенных мелкому чиновнику из Гбсцирка. Никакой, даже самый высокопоставленный, поклонник не пошел бы в бой против системы, за человека, не желающего играть по правилам. Тут патронат заканчивался.

Другая тема – внутрицирковых взаимоотношений – была намечена, но не раскрыта. И по здравому размышлению – правильно. Рассматривать внутрикорпоративные конфликты снаружи довольно сложно. И тем более влезать в отношения между “солнечным клоуном” Олегом Поповым и эксцентриком Енгибаровым.

Кстати, в фильме был замечательный момент – клоун Карандаш недоуменно, но внимательно наблюдает за выступлением Енгибарова. И стоит порадоваться, что сохранилось немало пленок, показывающих, как он работает. Этот визуальный материал и стал основой “Смеха сквозь слезы”, поскольку синхроны ассистентов и друзей клоуна были уместны, но не более. Любопытно, что авторам, несмотря на сфокусированность именно на частной жизни артиста, не удалось вытянуть в кадр ни одну из близких ему женщин. Для создания атмосферы пришлось прибегать к игровой реконструкции – снимать артистов, похожих на главных действующих лиц этой пронзительной и печальной истории, – Леонида Енгибарова и его мать. Вообще, выстроить всю историю жизни великого клоуна через его взаимоотношения с матерью оказалось чрезвычайно удачным ходом. В фильме сразу появились камерность и щемящие нотки частной жизни, которых так не хватает современному документальному кино. Когда нас стремятся удивить, ошеломить, развлечь – сенсацией, масштабом, пикантностью, а не дать возможность сопереживать судьбе гения, сторевшего на манеже советского цирка.

Л. Енгибаров

Алексей СИВОВ
Фото Юрия ЧЕРНЫШЕВА

Кубицкая - 2005 - 19-25 мая - г.б